

БАГРОВОЕ НЕБО

ЧАСТЬ 1 БЕЛЫЕ ВОРОНЫ

ПУСТАЯ СТУДИЯ / АЛЕКСАНДР ЧУВАРЛЕВ

Пустая Студия

Багровое небо. Часть
1. Белые вороны

«Автор»

2026

Студия П.

Багровое небо. Часть 1. Белые вороны / П. Студия — «Автор»,
2026

Что остаётся человеку, когда небо становится красным, а дождь — кислотой? Только вера в то, что где-то за горизонтом есть другая земля. Или ненависть к тем, кто отгородился за бетонными стенами. Эйдан Хант не ищет ни того, ни другого. Он просто хочет выжить и защитить тех, кто ему дорог. Но пустошь не терпит спокойных. Слухи о брошенном бункере приводят его к порогу, за которым — не еда и не патроны. За ним — выбор, который изменит всё. Кто станет жертвой, а кто — охотником? И можно ли остаться человеком, когда мир сошёл с ума?

© Студия П., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Белые вороны	6
Глава 1 Горбун	8
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Багровое небо. Часть 1. Белые вороны

Белые вороны

Глава 1 Горбун

Капля упала ему на запястье — туда, где заканчивался рукав плаща и начиналась голая, обветренная кожа. Он не успел стряхнуть. Тонкая прозрачная капля, почти незаметная на сером свете, вдруг вскипела, зашипела, и на том месте сразу вздулся маленький белый пузырёк, полный сукровицы.

Горбун выругался сквозь зубы. Не от боли — он давно уже почти не чувствовал таких мелких ожогов, — а от злости на себя. Нельзя было высовывать руки из-под плаща. Мать учила его ещё мальчишкой: «Не иди под дождь. Он съедает кожу за пять минут. Сначала краснеет, потом пузырится, потом мясо слезает лоскутами». Пять минут давно прошли. А он всё шёл.

Дождь был не тот, под которым хочется гулять ночи напролёт. Не тот, при котором лучше сидеть дома с кружкой горячего чая — хотя о чае он мог только мечтать, настоящем, с листьями, а не из сосновой коры. И даже не тот страшный ливень, что топит поля и размывает дороги: полей всё равно не осталось, а дороги уже давно сравнялись с пустошью. Этот дождь был обжигающим, кислотным, до невозможности горячим — таким, будто кто-то наверху опрокинул цистерну с серной кислотой и забыл закрыть небо.

Шестьдесят лет назад, говорили старики, небо было синим. И дождь был водой. Обычной водой, которую можно было пить, не боясь, что она прожжёт горло. Теперь же от того мира не осталось почти ничего. Ни интернета, ни телефонов, ни машин на дорогах — только остовы, вросшие в землю по самые окна. Цивилизация, что так быстро росла, сделала два, а то и три шага назад. И только теперь, под этим проклятым дождём, люди поняли, как легко всё было раньше и как тяжело, когда ничего этого нет.

Его звали Яр, но все кличали Горбун. Хотя горба у него и не было. Просто когда ему было двенадцать, он спрятался в старой бочке из-под топлива, а потом не мог разогнуть спину две недели. Так и прилипло.

Он шёл уже второй час. Может, третий — он сбился со счёта. Небо цвета запёкшейся крови не давало тени, багровые облака висели низко, и нельзя было понять, где полдень, а где вечер. Солнце, если оно вообще ещё существовало, пряталось где-то за этим красным саваном. В Дыре — так называлось его селение, пять крыш из рифлёного железа и бетонных плит — время меряли по дождю. Тихо — утро. Слишком громко — день. Кончился — ночь. Сейчас дождь стихал. Значит, скоро ночь. А ночью по пустоши лучше не ходить.

— Ты долго ещё? — крикнул он вперёд, в серую мглу.

Шагов за десять от него, пригибаясь под редкими каплями, шёл Косой. Своё прозвище он получил не за косоглазие — хотя один глаз у него и правда затянуло бельмом после того, как он вдохнул какую-то дрянь из разбитой лаборатории, — а за то, что всегда смотрел куда-то в сторону, даже когда говорил с тобой лицом к лицу. Будто всё время видел что-то за твоей спиной. Возможно, так оно и было. На пустоши каждый видел то, чего другие не замечали. Иначе не выжить.

— Недолго, — отозвался Косой, не оборачиваясь. Голос у него был сиплый — противогаз без фильтра, болтающийся на шее, натирал горло. — Вон за теми домами поворот. Если, конечно, домами это можно назвать.

Горбун посмотрел в ту сторону, куда указывал Косой. Домами это можно было назвать с большой натяжкой. Раньше, наверное, здесь был посёлок — может, даже небольшой город. Теперь от него остались только зубы. Так он называл про себя стены, торчащие из земли под разными углами, — одни накренились, другие лежали плашмя, третьи стояли прямо, но без крыш, без окон, без дверей, с пустыми глазницами проёмов. Здания, покусанные взрывами, напоминали оазисы в пустыне — только вместо воды в них была смерть. Внутри могло засесть

что угодно: от радиоактивной пыли до двухголовой твари, которая спит в подвале и просыпается, когда слышит шаги.

— Ты говорил про бункер, — сказал Горбун, ускоряя шаг, чтобы поравняться с Косым. Плащ противно скрипел на каждом шагу — резина задубела от холода и кислоты. — Бункер, оружие. Где это?

Косой наконец повернул к нему своё узкое, обтянутое жёлтой кожей лицо. Вторым глазом, тот, что ещё видел, был красным от напряжения — или от слёз. Горбун не стал спрашивать.

— В двадцати километрах отсюда, на запад, — сказал Косой шёпотом, хотя вокруг, кроме них, не было ни души. Только ветер, который гнал по пустоши клочья радиоактивного тумана, и редкие капли дождя. — Но туда идти через Долину Обречённых. Ты знаешь, что это такое.

Горбун знал. Каждый Прежний знал. Долина Обречённых — полоса земли между западными холмами и старым руслом реки. Когда-то там был военный полигон. Шестьдесят лет назад туда упало несколько зарядов, может, десяток — точно никто не считал. Земля там до сих пор светилась по ночам слабым зелёным светом, а воздух казался густым, как сироп. Говорили, что если пройти по Долине без защиты, то через три дня начинаешь кашлять кровью, а через неделю кожа слезает целиком, как старая змеиная шкура. И это в лучшем случае. В худшем — ты не успеваешь умереть от радиации, потому что тебя находят те, кто там живёт. Или то, что там живёт.

— Ты спятил, — сказал Горбун, и это прозвучало не как оскорбление, а как констатация факта. — Мы не пройдем через Долину. У нас даже нормальных противогазов нет.

— А если я скажу, что в бункере есть не только оружие? — Косой снова понизил голос. — Там, по слухам, целый склад. Противогазы. Аптечки. Еда. Та самая еда, которую никто из нас не видел десять лет. Не сорняк, не крысину, а настоящую — в банках, в герметичной упаковке.

Горбун остановился. Он стоял под редкими каплями дождя, чувствуя, как кислота прожигает маленькие дырочки в плаще, и смотрел на Косого. Вторым глазом того блестел — не от слёз, нет, от лихорадочного огня. Жадности? Отчаяния? Или того и другого.

— Откуда ты знаешь про бункер? — спросил Горбун тихо.

— Перекупщик рассказал. Тот, что ходит между Дырой и Городом. — Косой сплюнул на землю густую тёмную слюну. — Он сам туда не пойдёт — боится. Но показал на карте. Старой, довоенной. Я запомнил.

При упоминании Города Жизни Горбун невольно повёл плечом, будто кто-то тронул его за лопатку. Город Жизни. Так НоМиры называли своё детище — огромный заводской комплекс, который за шестьдесят лет разросся до целого города. Там были рынки, аптеки, магазины, бары — места, где человек мог утолить и голод, и жажду, и тоску по прошлому. Там каждые сто метров стояли машины, очищающие воздух от радиации — слабо, но хоть что-то. Там были стены — высокие, бетонные, с вышками через каждые пятьсот метров, и на вышках всегда стояли часовые с автоматами. Не с кусками арматуры, а с настоящим оружием, которое стреляло, а не просто пугало.

Но Город Жизни был не для Прежних. Прежние — это те, кто выжил на поверхности, кто прятался в подвалах и общих бомбоубежищах, когда пришли бомбы. У них не было бункеров с запасами скота и семян, как у НоМиров. У них не было оружия. У них не было будущего.

Некоторые из Прежних, самые отчаянные или самые голодные, сами приходили к стенам Города. Не с оружием — с пустыми руками. Им открывали. Давали еду. Воду. Крышу над головой. Но взамен ставили клеймо — раскалённым железом на левую щеку, под глаз, чтобы все видели. Номер. И с этого дня ты переставал быть человеком. Ты становился вещью, которую можно продать, обменять, поставить на любую работу — от уборки выгребных ям до чистки тех самых машин, что очищают воздух. Многие из Прежних говорили: «Лучше умереть на

пустоши, чем жить с клеймом». Но те, кто так говорил, никогда не пробовали настоящий голод. Тот, когда живот пухнет от сорняка, а внутри — пустота, такая огромная, что кажется, будто ты уже мёртв, только забыл упасть.

— Я не пойду в Город, — сказал Горбун, возвращаясь мыслями к разговору. — Даже за оружие. Даже за еду. Ты знаешь, что там делают с Препными.

— Я и не предлагаю идти в Город, — терпеливо ответил Косой. — Я предлагаю взять оружие в бункере и продать его перекупщику. А на вырученное — купить у него же защиту. Противогазы. Аптечки. И уйти на север. Туда, где, говорят, вообще нет ни НоМиров, ни дождей. Только снег.

Горбун помолчал. Ветер донёс запах — горелая плоть, озон, ещё что-то сладковато-гнилостное. Может, труп какого-то зверька, который не успел спрятаться от дождя. Может, то, что страшнее.

— А если перекупщик нас обманет? — спросил он.

— А если мы останемся здесь и сдохнем от голода? — парировал Косой. — Или от радиации? Или тебя утащит то, что живёт под старым мостом?

Они оба замолчали. Под старым мостом — Горбун знал это точно — действительно что-то жило. Большое. Злое. Слишком много зубов для одного рта. Говорили, что это была когда-то собака, большая, вроде овчарки, а потом её исказило. Или не собака — кто теперь разберёт. Но он слышал её ночью. Она не лаяла. Она рычала — низко, с подвыванием, и звук этот пробирал до костей, до самого нутра, где прячется тот самый страх, о котором никто не говорит вслух.

— Ладно, — сказал Горбун после долгой паузы. — Показывай дорогу. Но если ты врешь, Косой, если мы придём в Долину Обречённых и там ничего нет — я скормлю тебя твари под мостом. Не завтра. Не через неделю. Я притащу тебя туда связанным, брошу как кусок мяса, переломаю ноги чтобы не сбежал и буду слушать, как ты кричишь, пока тварь будет тебя пожирать, раздирая твою плоть кусок за куском.

Косой кивнул. Глаз его не дрогнул.

— Не совру, — сказал он. — Хватит врать. Наврались уже.

Они пошли дальше. Дождь почти кончился — только изредка на плечи падали одиночные капли, и каждая оставляла маленький ожог. Красное небо медленно темнело, становилось бордовым, потом фиолетовым, потом почти чёрным. Звёзд не было. На пустоши наступала ночь, и где-то далеко, за горизонтом, притаился Город Жизни — тусклые огни, которые отсюда казались не звёздами, а просто болезненными пятнами на сетчатке.

Косой остановился и вытащил из-под плаща два коротких факела — деревянные палки с намотанной на концах промасленной ветошью. Тряпки отсырели, и огонь долго не хотел браться. Косой чиркал огнём, прикрывая руки от ветра, пока наконец не появилась слабая искра. Ветошь задымилась, затрещала, и над пустошью разгорелось маленькое жёлтое пламя. Горбун поджёг от него второй факел.

— Это последние, — сказал Косой, глядя на огонь. — Больше у нас нет.

— Ничего страшного, — ответил Горбун. — До бункера хватит.

Они снова двинулись вперёд. Факелы освещали лишь несколько шагов дороги, выхватывая из темноты битый камень, ржавую арматуру и чёрные лужи, поверхность которых подрагивала от редких капель дождя.

Горбун не обернулся. Ему не хотелось смотреть на эти огни. Каждый раз, когда он их видел, он вспоминал мать. «Не иди за мной, — сказала она тогда. — Я вернусь». Он так и не узнал, умерла она или жива до сих пор. Рабы в Городе Жизни не имели имён. Только номера.

Он шёл в темноту, на запад, и думал только об одном: оружие. Настоящее оружие, которое стреляет. Может быть, с ним он сможет не просто выживать, а жить. Может быть, с ним он сможет вернуться к Городу и... и что? Выкупить мать? Убить тех, кто поставил на неё клеймо?

Он не знал. Но надежда — даже самая глупая, даже самая обречённая — была единственным, что согревало его в эту холодную, радиоактивную ночь.

Впереди, за грудой битого кирпича, начиналась Долина Обречённых. И оттуда, из темноты, тянуло чем-то сладким и одновременно гнилым — запахом, который он никогда раньше не чувствовал, но сразу понял: это не к добру.

— Держись ближе, — сказал Косой, и в его голосе впервые прозвучал не страх, а что-то другое. Что-то похожее на решимость. — И не дыши глубоко.

Они сделали первый шаг в Долину. Дождь кончился совсем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.